

A movie poster for the Russian film 'Юлий Люцифер'. The image depicts a man and a woman in a state of intense conflict. The man, in the background, is wearing a dark suit and tie, with a look of rage and his mouth wide open as if shouting or screaming. The woman, in the foreground, has long brown hair and is wearing a white, off-the-shoulder blouse. She is crying, with tears on her face, and holding a dark, empty frying pan. The background is a chaotic scene of fire and falling debris, suggesting a destroyed interior. The overall color palette is dark and warm, dominated by the orange and yellow of the fire.

Юлий Люцифер

Он мой муж.
Он мой ВРАГ.

Юлий Люцифер

Он мой муж. Он мой враг

<https://litres.ru/74221083>

Аннотация

Я стала его женой не по любви. Я стала его женой по необходимости.

Этот брак — сделка. Холодный расчет. Способ спасти мою семью и расплатиться за ошибки, которые совершила не я.

Он привык подчинять. Управлять. Ломать. В его мире нет места чувствам — только власти и контролю.

Он красив, опасен и бесконечно уверен в себе. Он не терпит возражений. Он не прощает неповиновения.

А я — всего лишь подпись под его фамилией.

С первой минуты он дал понять: я принадлежу ему. Мое время, мое тело, моя жизнь.

Но он просчитался в одном — я не собираюсь быть покорной.

Наш брак — это поле боя. Каждый взгляд — вызов. Каждое прикосновение — борьба.

Он мой муж. И он мой враг.

Но что делать, если между ненавистью и притяжением всего один шаг? Если холодный расчет постепенно превращается в опасную зависимость? Если в самый момент, когда я готова уйти, он впервые смотрит на меня не как на собственность... а как на женщину?

Этот союз должен был стать тюрьмой. Но, возможно, именно в нем я узнаю, что такое настоящая любовь.

Или окончательно потеряю себя.

Содержание

Глава 1. Жена по сделке	5
Глава 2. Его фамилия	18
Глава 3. Закрытая дверь	34
Глава 4. Первый удар без рук	52
Глава 5. Чужая ошибка	67
Глава 6. Ненависть под кожей	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Глава 1. Жена по сделке

В день собственной свадьбы я поняла одну простую вещь: хуже белого платья может быть только белое платье, надетое не по любви. Оно сидело на мне идеально. Настолько идеально, что казалось издевательством. Плотный шелк обнимал тело, корсет сдавливал ребра, длинная юбка стекала к полу мягкими складками, а тонкая фата делала меня похожей не на невесту, а на дорогую куклу, выставленную в витрине для чужого восхищения. Я смотрела на свое отражение и не узнавала женщину в зеркале. Слишком бледная. Слишком спокойная. Слишком красивая для того, чтобы быть счастливой.

За дверью глухо шумели голоса. Внизу собирались гости. Слышался звон бокалов, осторожный смех, шорох дорогих тканей. Все было безупречно. Именно так и должна выглядеть красивая сделка. На туалетном столике лежал телефон. Экран вспыхнул в третий раз за последние десять минут. «Мама». Я ответила не сразу. Знала: если услышу ее голос, мне станет тяжелее.

— Да, мам.

— Ты готова?

— А у меня есть выбор?

— Не начинай, пожалуйста.

Конечно. Не начинать. Не сейчас. Не в день, когда меня

красиво упаковали и перевязали ленточкой ради спасения семьи.

— Как папа?

— Ему лучше. Сегодня врач был. Сказал, если все пройдет спокойно, банк не станет давить до конца месяца.

До конца месяца. Вот она, цена моей свадьбы. Не любовь. Не будущее. Не обещание счастья. Отсрочка. Несколько недель тишины для человека, который задыхался под грузом чужих долгов и собственных ошибок. Моего отца. На бумаге все выглядело прилично: партнерство, поддержка, взаимовыгодный союз между семьями. В жизни — нас просто купили. Вернее, купили меня. Красиво, тихо, без скандалов. Так, чтобы никто не назвал это продажей.

— Не плачь, пожалуйста, — тихо сказала мама.

— Я не плачу.

— Он... он ведь приличный мужчина. Сильный. Обеспеченный. У вас все может сложиться.

— Да, мам. Конечно. Очень приличный. Особенно в части покупки чужих дочерей.

— Лиза...

Я сбросила вызов раньше, чем она успела договорить. Меня звали Елизавета Орлова. Еще полчаса. Максимум сорок минут. И этой фамилии у меня больше не будет. Я подошла к окну. Во дворе переливались огни, черные машины стояли безупречно ровной линией, охрана у ворот выглядела так, будто здесь собирались не праздновать свадьбу, а под-

писывать международный договор. Впрочем, разница была невелика. Я знала, за кого выхожу замуж. Андрей Воронцов. Тридцать пять. Красивый. Богатый. Холодный. О нем говорили разное. Что он умеет превращать конкурентов в пыль. Что он никогда не повышает голос, потому что люди и так начинают бояться, когда он просто замолкает. Что у него железные нервы, безупречная репутация и отвратительная привычка всегда добиваться своего.

Мое знакомство с будущим мужем длилось меньше месяца. Первый раз я увидела его в кабинете нотариуса. Отец тогда уже выглядел сломленным — не старым, не больным, а именно сломленным. Мужчина, который всю жизнь гордился тем, что держит все под контролем, сидел с дрожащими пальцами и избегал моего взгляда. Андрей вошел без спешки, в темном костюме, будто пришел не решать чью-то судьбу, а подписывать рядовые документы. Он даже не сразу посмотрел на меня. Сначала — на бумаги. Потом — на отца. И только потом на меня. Тот взгляд я запомнила слишком хорошо. Спокойный. Взвешенный. Без похоти, без восторга, без сочувствия. Так смотрят на вещь, которую еще не купили, но уже решили забрать.

— Если ваша дочь согласна, вопрос можно закрыть сегодня, — сказал он тогда.

Не мне. Отцу. Словно меня в комнате и вовсе не было. Я могла встать и уйти. Могла швырнуть ему в лицо папку с договором. Могла устроить истерику. Могла спасти свою

гордость. Но накануне я видела отца в кабинете кардиолога, видела, как у него дрожат руки, слышала, каким голосом мама шепчет по ночам на кухне: «Нас раздавят». И я сказала: — Я согласна.

С того дня у меня внутри поселилось что-то холодное. Не страх. Не боль. Что-то хуже. Спокойствие человека, который уже понял, что его жизнь свернула не туда, и теперь остается только идти по новой дороге до конца.

В дверь постучали.

— Лиза, пора. Все уже ждут.

Я взяла букет. Белые розы пахли слишком резко, почти удушающе. Словно даже цветы понимали, что сегодня не праздник. Лестница вниз казалась длиннее обычного. Гости обернулись сразу. На секунду вокруг стало тихо. Я почувствовала на себе десятки взглядов — изучающих, оценивающих, любопытных. Для одних я была красивой невестой. Для других — удачным вложением. Для третьих — девушкой, которой очень повезло.

Он ждал меня у арки. Черный костюм сидел на нем безупречно. Ни одного лишнего движения, ни намека на волнение. Высокий, прямой, с той опасной мужской собранностью, от которой хотелось не любоваться, а держаться подальше. Андрей выглядел так, будто не женится, а принимает под контроль очередную актив. Когда я подошла ближе, он протянул мне руку. Я вложила в нее свои пальцы. Его ладонь была теплой. Это почему-то разозлило сильнее всего.

— Ты опоздала на две минуты, — тихо сказал он.

— Боялась, что ты передумаешь.

— Я никогда не меняю решений.

Я посмотрела ему в глаза. Темные. Спокойные. Непроницаемые. В них не было ни нежности, ни торжества. Только уверенность человека, который уже победил. Церемония прошла мимо меня отдельными фразами. Я слышала голос регистратора, какие-то слова про союз, доверие, уважение, поддержку. Хотелось рассмеяться прямо там, у всех на глазах. Особенно на слове «уважение». Когда пришло время поставить подпись, моя рука дрогнула всего один раз. Едва заметно. Но Андрей заметил. Он всегда замечал слабость. Я вывела новое имя и новую фамилию с такой аккуратностью, будто подписывала себе не приговор, а деловое соглашение.

— Поздравляю, — произнесла женщина за столом.

Гости захлопали. Кто-то поднял бокал. Кто-то уже тянулся за телефоном, чтобы сделать фото. А я стояла рядом с мужем и чувствовала, как внутри становится все тише. Слишком тихо.

Он чуть наклонился ко мне, сохраняя на лице безупречно вежливую полуулыбку для публики.

— Теперь ты моя жена.

— Я не твоя вещь.

— Ошибаешься. Все, что носит мою фамилию, принадлежит мне.

Со стороны это выглядело как шепот молодоженов. На де-

ле мне только что красиво надели поводок. Я заставила себя не отвести взгляд.

— Тогда тебе придется привыкнуть к тому, что твоя новая собственность умеет кусаться.

На одно короткое мгновение что-то изменилось в его лице. Не злость. Не удивление. Интерес. Словно до этой секунды он ожидал получить удобную, покорную, тихую жену. А вместо этого ему в руки попала проблема.

— Посмотрим, — произнес он.

После церемонии начался прием. Музыка, шампанское, тосты, идеальный свет, дорогие улыбки. Ко мне подходили женщины с выверенной любезностью и мужчины с тем особым видом, каким смотрят на дорогую вещь, которую уже купил кто-то другой.

— Вы такая красивая пара.

— Андрей сделал прекрасный выбор.

— Вам очень идет его фамилия.

Каждая фраза отдавала металлическим привкусом во рту. Я держалась. Улыбалась. Благодарила. Поднимала бокал. Принимала поздравления. И все это время кожей чувствовала его взгляд. Не постоянный. Не липкий. Но точный. Как будто он из любой точки зала знал, где я стою, с кем говорю, как дышу.

В какой-то момент ко мне подошел отец. Сегодня он впервые за последние недели был в хорошем костюме, чисто выбрит, даже старался держать спину прямее. Но глаза выдава-

ли все.

— Лиза...

— Не надо, пап.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь.

— Ненавидеть — это роскошь. У меня сейчас на это нет сил.

Он опустил взгляд. И в эту секунду мне стало его жаль. Вот только жалость — плохой клей для разрушенной семьи.

— Он сдержал слово, — тихо сказал отец. — Банк отступил. Вопросы с поставщиками тоже закрыты.

— Ты продал меня очень выгодно. Поздравляю.

— Не говори так.

— А как говорить? Как дочь, которой повезло? Или как товар, который уже передан новому владельцу?

Я увидела, как за его плечом появляется Андрей. Он не подходил вплотную. Не вмешивался. Просто стоял в нескольких шагах и смотрел. И этого оказалось достаточно, чтобы отец замолчал. Вот она, настоящая власть. Не крик. Не приказ. Присутствие.

— Гости ищут тебя, — сказал Андрей, обращаясь ко мне.

— Конечно. Сегодня же мой праздник.

— Сегодня день, когда ты должна быть рядом со мной.

— Какая разница, как назвать клетку?

— Разница в том, что умные люди сначала изучают замок, а потом пытаются его взломать.

— А ты уверен, что я собираюсь жить в твоей клетке до-

статочно долго, чтобы подобрать ключи?

— Ты уже в ней, Лиза.

Он произнес мое имя так, будто пробовал его на вкус. Спокойно. Низко. Почти мягко. От этого по спине побежали мурашки, и я тут же возненавидела себя за эту реакцию. Первый танец я пережила на чистом упрямстве. Его рука лежала у меня на спине уверенно и твердо. Не интимно. Не ласково. Но слишком правильно. Он вел меня так, будто давно знал, как именно я двигаюсь, где замру, где попытаюсь отстраниться. Мы почти не разговаривали. Со стороны, наверное, смотрелись идеально. Красивая пара. Сдержанная страсть. Роскошь. Контроль.

— Ты напряжена, — тихо заметил он.

— А ты наблюдателен.

— Это часть моей работы.

— Контролировать людей?

— Понимать, где они сломаются.

— И где сломаюсь я?

Он не ответил сразу. Его пальцы едва заметно переместились выше по моей спине.

— Ты держишься на злости. Это хорошо. Иногда злость делает людей сильнее.

— А иногда?

— А иногда превращает в предсказуемых.

Мне захотелось вырвать руку и уйти прямо посреди зала. Но музыка продолжалась. Вокруг были люди. Камеры. Улыб-

ки.

— Плохо, что я не собираюсь быть удобной даже в своей предсказуемости.

И снова это выражение в его глазах. Заинтересованность. Не романтическая. Хищная. Будто я наконец дала ему повод перестать скучать.

К вечеру я устала так, словно прожила не свадьбу, а маленькую войну. Когда последние обязательные разговоры закончились и гости начали расходиться, мне казалось, что я смогу спокойно дойти до своей комнаты, снять платье, закрыться и хотя бы несколько минут побыть одной. Наивная. В спальне — нашей спальне — уже горел мягкий свет. На кресле лежала аккуратно сложенная мужская рубашка, на столе стояла вода, шторы были задернуты. Все выглядело так, будто кто-то заранее подготовил сцену для идеально поставленного эпизода чужой жизни. Я вошла и замерла на пороге. Через несколько секунд за спиной щелкнул замок.

— Ты всегда запираешь двери так демонстративно? — спросила я.

— Только когда не хочу, чтобы мне мешали.

Я повернулась. Без пиджака он выглядел еще опаснее. Галстук ослаблен, верхняя пуговица расстегнута, рукава чуть закатаны. Слишком красивый для человека, которого хотелось ненавидеть без остатка.

— Раз уж мы остались без публики, давай без спектакля. Что дальше? Список правил? График посещений? Напоми-

вание, что с сегодняшнего дня я обязана дышать по разрешению?

— У тебя богатая фантазия.

— У меня хороший наблюдательный навык.

— Это полезно.

— Особенно рядом с мужчиной, который покупает людей?

На секунду в комнате стало холоднее.

— Твою семью никто не принуждал, — ответил он.

— Да. Конечно. Когда человек тонет, а ему бросают веревку с петлей на конце, это называется свободный выбор.

Он подошел ближе. Медленно. Без суеты. Так приближается не человек, который хочет напугать, а человек, который точно знает, что его и так боятся.

— Запомни одну вещь, Лиза. Я не жду от тебя любви. Не жду благодарности. Не жду покорности на словах. Мне не нужны красивые сцены и истерики. Но мне нужна ясность.

— Какая именно?

— Ты моя жена. И пока этот брак существует, ты не делаешь ничего, что может ударить по моему имени.

— А по моему можно?

— Не играй словами.

— Почему? Ты же именно ими и ломаешь людей.

Мы стояли слишком близко. Я чувствовала его запах — что-то чистое, дорогое, мужское, с сухой горечью, от которой кружилась голова. И это было самым унижительным. Не

страх. Не злость. А то, что мое тело предавало меня даже сейчас, когда разум требовал держаться как можно дальше. Он заметил это. Я поняла по едва уловимому изменению в глазах. И разозлилась еще сильнее.

— Не смотри на меня так.

— Как именно?

— Как будто ты уже победил.

— А разве нет?

Мне следовало отступить. Следовало отвернуться. Следовало хотя бы сделать вид, что мне все равно. Но я смотрела на него снизу вверх и ощущала, как внутри поднимается нечто опасное. Не желание. Пока еще нет. Но уже то предательское напряжение, из которого оно рождается.

— Ты ошибаешься. Это ты думаешь, что получил покорную жену. А получил женщину, которая однажды разнесет твой идеальный мир по кирпичу.

На его губах мелькнула тень улыбки.

— Тогда наш брак обещает быть не скучным.

Он протянул руку к моей фате. Я дернулась, но он коснулся лишь тонкой ткани и медленно снял ее с моих волос. Никакой нежности в этом движении не было. Но и грубости тоже. Только спокойная уверенность. Фата опустилась в кресло.

— Сегодня ты можешь спать спокойно.

— Что?

— Я не трону тебя.

И снова эта тихая, уничтожающая интонация. Не как обещание. Как решение. Мое лицо вспыхнуло не от облегчения, а от унижения. Потому что часть меня уже готовилась обороняться. А другая — боялась собственной реакции, если он действительно прикоснется. И он это понял. Понял все.

— Тебя это задело? — спросил он.

— Не льсти себе.

— Я и не собирался.

Он прошел мимо меня, взял со стула рубашку и направился к соседней двери.

— Это моя комната. Смежная. Дверь между спальнями останется открытой.

— Зачем?

— Чтобы ты с первого дня понимала одну простую вещь.

— Какую?

— Даже когда я не рядом, ты все равно в моем доме.

Дверь закрылась тихо. Без хлопка. Без театра. Но у меня внутри все равно что-то дрогнуло. Я осталась одна посреди огромной спальни, в тяжелом свадебном платье, с ноющей спиной, горящими щеками и новой фамилией, которая уже ощущалась как клеймо. Медленно подошла к зеркалу. Сняла серьги. Потом кольцо. Потом осторожно коснулась кольца на пальце. Оно блестело холодно и безупречно. Как он. Я смотрела на отражение долго. Уставшая невеста. Чужая жена. Женщина, которую продали ради спасения семьи. Но где-то под всем этим — живая, злая, упрямая я.

— Ты не сломаешься, — тихо сказала я своему отражению.

За стеной слышались шаги. Спокойные. Ровные. Мужские. Я подняла глаза к зеркалу и впервые за этот день улыбнулась по-настоящему. Не счастливо. Зло. Потому что в этот момент поняла главное. Я действительно стала его женой. Но покорной женой я не стану никогда. И если Андрей Воронцов думал, что купил себе женщину, которая будет молча носить его фамилию и жить по его правилам, его ждал очень неприятный сюрприз. Потому что война в этом доме только начиналась.

Глава 2. Его фамилия

Утро в новом доме началось не с неловкости и не с боли, а с тишины. Такой тишины, в которой слишком ясно слышно, что ты больше не у себя. Я проснулась резко, будто кто-то выдернул меня из сна за тонкую нить, и несколько секунд просто смотрела в потолок, не понимая, почему все вокруг кажется чужим. Потом взгляд скользнул по тяжелым шторам, по высокой лепнине, по креслу, на котором вчера лежала моя фата, и память вернулась сразу, без жалости. Свадьба. Новая фамилия. Андрей Воронцов. Брак, который с самого начала пах не любовью, а сделкой.

Я медленно села на кровати. Платье вчера с меня сняла горничная, которую прислали без стука, без вопроса, без права отказаться. Я тогда слишком устала, чтобы спорить. Сегодня усталость никуда не делась, но вместо нее в теле поселилась жесткая собранность. Я осмотрелась внимательнее. Просторная спальня была безупречной, как номер в дорогом отеле, где все продумано до мелочей и ничто не принадлежит тебе. На туалетном столике стоял стакан воды, рядом лежала тонкая папка кремового цвета. Я протянула руку и открыла ее.

Внутри был распорядок дня.

Не записка. Не приветствие. Не что-то человеческое. Распорядок.

Завтрак — 9:00.

Встреча со стилистом — 11:00.

Обед с матерью Андрея — 14:00.

Ужин дома — 20:00.

Внизу аккуратной строкой: «Просьба быть готовой без опозданий».

Я перечитала эту строчку дважды, потом коротко усмехнулась. Конечно. Как же иначе. Меня еще даже не успели толком вписать в его дом, а уже выдали инструкцию по использованию новой жены.

Смежная дверь была приоткрыта. Я смотрела на нее несколько секунд, борясь с глупым желанием подойти и захлопнуть. Вместо этого встала, накинула халат и босиком подошла ближе. За дверью оказалась вторая спальня — мужская, строгая, лишенная всего лишнего. Кровать уже была заправлена, в кресле небрежно лежал темный пиджак, а на столе мерцал экран ноутбука в спящем режиме. Его здесь не было. Это почему-то раздражало. Как будто даже после свадьбы он предпочел оставить мне только свое присутствие, а не себя самого.

Я закрыла дверь сильнее, чем стоило, и пошла в ванную. Холодная вода помогла собраться. Когда я вышла, в комнате уже ждала женщина лет пятидесяти в идеально сидящем сером платье. Сухая, собранная, с лицом человека, который умеет быть незаметным ровно настолько, насколько хочет сам.

— Доброе утро, Елизавета Андреевна, — произнесла она. Меня почти передернуло. Не от отчества. От того, как чуждо оно прозвучало.

— Кто вы?

— Марина. Я управляющая домом. Если вам что-то понадобится, вы можете обращаться ко мне.

— А если мне понадобится моя старая жизнь?

Она даже не моргнула.

— Боюсь, этим я помочь не смогу.

Я невольно усмехнулась. Ну конечно. Здесь, похоже, подбирали персонал по одному признаку: умение сохранять выражение лица, будто ничего странного не происходит.

— Господин Воронцов просил передать, что будет ждать вас к завтраку через двадцать минут.

— Просил?

— Да.

— Как любезно с его стороны не приказал.

Марина едва заметно опустила взгляд, но я успела уловить: услышала. Просто не позволила себе отреагировать.

Через двадцать минут я спустилась вниз. Дом был огромным и тихим, как музей дорогих привычек. Темное дерево, холодный мрамор, безупречно развешанные картины, вазы, в которых даже цветы выглядели дисциплинированно. Здесь все было под контролем. Даже воздух.

Столовая оказалась залита мягким утренним светом. Андрей уже сидел за столом и просматривал что-то в телефоне.

На нем была белая рубашка, рукава закатаны до локтей, волосы еще чуть влажные после душа. Он выглядел так, будто не женился вчера, а просто начал очередной рабочий день. Ни следа бессонной ночи. Ни следа внутреннего напряжения. Только привычная собранность человека, который давно привык владеть собой, людьми, пространством.

Я остановилась у стола. Он поднял глаза.

— Ты опоздала на минуту сорок.

Я медленно села напротив.

— Доброе утро и тебе.

— Я уже сказал «доброе утро» Марине. Этого достаточно.

— Для тебя, возможно.

Он отложил телефон. Его взгляд скользнул по мне спокойно, внимательно, слишком долго для простого бытового осмотра.

— Тебе идет этот цвет.

Я посмотрела на бежевое платье, которое нашлось в шкафу вместе с десятком других вещей моего размера. Тоже, конечно, заранее подготовленных.

— Ты даже гардероб мне выбрал?

— Нет. Это сделала женщина, которая умеет работать лучше, чем ты сейчас пытаешься язвить.

Я положила салфетку на колени и улыбнулась.

— Значит, в твоём доме даже одежда появляется по расписанию.

— В моём доме многое появляется вовремя. Привыкай.

Вот так. Спокойно. Без крика. Без эмоций. Он действительно разрушал медленно — словом, взглядом, интонацией. И самое страшное, я уже начинала понимать, почему люди рядом с ним ломаются быстрее, чем успевают заметить сам момент излома.

— Мне передали расписание, — сказала я, взяв чашку кофе.

— Хорошо.

— Я не обязана жить по бумажке.

— Обязана, если не хочешь создавать мне проблемы.

Я поставила чашку чуть громче, чем нужно.

— А если я хочу создавать тебе проблемы?

Он отрезал кусок омлета, не сводя с меня глаз.

— Тогда сначала научись делать это умно.

Тишина между нами стала плотнее. Мне следовало промолчать, но молчание в его присутствии ощущалось как маленькое поражение.

— Ты всем своим женщинам выдавал инструкции с утра?

— Не всем.

— А только женам по контракту?

— Только тем, кто с первого дня путает свободу с хаосом.

Я склонилась вперед.

— И давно ты решил, что можешь определять, где у меня свобода, а где хаос?

Он ответил не сразу. Взял бокал воды, сделал глоток, будто у нас шла не словесная стычка, а светская беседа.

— В тот момент, когда твоя семья приняла мои условия.

— Моя семья, — отчеканила я. — Не я.

— Ты поставила подпись сама.

— Потому что меня загнали в угол.

— Люди в углу тоже умеют говорить «нет», Лиза.

Эти слова ударили точнее, чем я ожидала. Потому что в них была доля правды. Мерзкая, несправедливая, но правды. Я действительно сказала «да». Никто не держал у моего виска пистолет. Мне просто показали, сколько будет стоить мое «нет».

Он заметил, что попал, и не добивал. В этом тоже была его сила. Не давить до крика, а оставлять внутри занозу, чтобы ты потом сама прокручивала его слова снова и снова.

— Сегодня в два часа ты обедаешь с моей матерью, — произнес он, меняя тему так спокойно, будто ничего не произошло.

— Я видела.

— Постарайся не превращать это в поле боя.

Я тихо рассмеялась.

— Боишься, что я опозорю твою фамилию в первые же сутки?

— Боюсь, что ты недооцениваешь, как быстро люди вокруг чувствуют слабые места.

— А твоя мать — это человек или проверка на прочность?

— И то, и другое.

Я откинулась на спинку стула.

— Как трогательно. Ты предупреждаешь меня как муж или как владелец нового актива?

Он медленно положил вилку.

— Я предупреждаю тебя как человек, которому не нравится устранять последствия чужой импульсивности.

— Значит, если я ей не понравлюсь, ты снова внесешь меня в график между деловыми встречами?

— Если ты ей не понравишься, это будет твоя проблема. Если ты устроишь скандал, это станет моей.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается знакомое упрямство. Он будто нарочно вынимал из меня худшее, чтобы потом смотреть, как я с этим справляюсь.

— А если мне не понравится она?

— Это никого не удивит.

— И тебя?

— Меня удивит только одно — если ты не попытаешься укунить в ответ.

На секунду между нами мелькнуло что-то странное. Почти тень улыбки. Не теплая. Не мягкая. Но уже и не такая ледяная, как вчера. Будто он и правда изучал меня, как сложную задачу, а не просто женщину, которую можно поставить на место.

Я ненавидела это. И почему-то не могла перестать замечать, как красиво у него очерчены губы, когда он говорит ровно и тихо. Как опасно сидит на нем белая рубашка. Как невозможно отвести взгляд, когда он поднимает глаза и

смотрит прямо, без суеты, без желания понравиться.

Меня раздражало собственное тело. Раздражало то, что оно не понимало простых вещей. Этот мужчина — угроза. Этот мужчина — клетка. Этот мужчина — мой враг. Но стоило ему чуть податься вперед, как воздух между нами становился другим. Гуще. Тяжелее.

— Хватит так смотреть, — сказала я раньше, чем успела остановить себя.

— Как?

— Как будто уже знаешь, что я сделаю дальше.

— Обычно я действительно знаю.

— Самоуверенность — не признак ума.

— А упрямство — не признак силы.

Я резко встала из-за стола. Марина, появившаяся из ниоткуда, тут же замерла у двери, будто почувствовала, что вошла не вовремя. Андрей даже не пошевелился.

— Я позавтракала, — сказала я.

— Нет, — спокойно возразил он. — Ты выпила кофе и съела два кусочка фруктов. Сядь.

Я медленно повернула к нему голову.

— Прости?

— Ты меня слышала.

Марина исчезла так быстро, словно умела испаряться по команде. Я осталась стоять, чувствуя, как щеки начинает жечь.

— Ты сейчас серьезно решил указывать мне, сколько

есть?

— Я сейчас серьезно не хочу, чтобы моя жена падала в обморок посреди обеда с моей матерью, потому что решила доказать характер на пустой желудок.

— Какая забота.

— Это не забота. Это здравый смысл.

— Разницы я пока не вижу.

— Научишься.

Господи, как же мне хотелось швырнуть в него чашкой. Не потому что он был груб. Нет. Было бы проще, если бы он просто орал, угрожал, вел себя как карикатурный тиран. Но он оставался спокойным, и от этого любой его нажим ощущался еще сильнее.

Я села обратно. Назло. Потому что уйти сейчас означало проиграть, а остаться — хотя бы сохранить видимость, что это мой выбор. Он ничего не сказал, только вернулся к завтраку. И эта его молчаливая победа бесила почти так же сильно, как его голос.

Когда я поднялась из-за стола во второй раз, он протянул мне папку.

— Что это?

— Список благотворительных фондов, которыми ты теперь будешь заниматься.

Я не взяла папку.

— Я, прости, что?

— У моей жены должны быть сферы ответственности.

— У твоей жены или у человека, который обязан создавать правильную картинку рядом с твоей фамилией?

— Одно другому не мешает.

Я забрала папку и перелистнула несколько страниц. Даты, суммы, фамилии попечителей, встречи, мероприятия. Идеальная роль. Красивая, безопасная, социально одобряемая. Держи, Лиза. Вот твоя новая золотая клетка, только теперь с цветами и детьми на благотворительных афишах.

— А если я не хочу?

— Хочешь.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что ты не глупая. А умные люди ищут не только способ сопротивляться, но и территорию, на которой можно укрепиться.

Я вскинула глаза.

— Ты сейчас даешь мне совет?

— Я даю тебе инструмент.

— Из щедрости?

— Из практичности.

Иногда мне казалось, что я разговариваю не с человеком, а с идеально настроенной системой, у которой на каждый выпад есть заранее просчитанный ответ.

— Ты все просчитываешь? — спросила я.

— Почти все.

— И меня тоже?

— Тебя особенно.

Я захлопнула папку. Сердце стукнуло сильнее. Не от страха. Не только. Было в этом признании что-то слишком личное для человека, который уверял, что ему не нужны чувства.

— Не советую, — сказала я тихо. — Я могу испортить твои расчеты.

Он поднялся из-за стола, и в ту же секунду пространство будто изменилось. До этого мы были на расстоянии. Теперь он оказался рядом слишком быстро. Не касаясь. Не зажимая. Просто встав напротив так, что мне пришлось поднять голову.

— Это и проверим, — произнес он.

У него были темные глаза с почти незаметной золотистой искрой у радужки. Я заметила это только сейчас, вблизи, и тут же возненавидела себя за то, что вообще рассматриваю его так внимательно.

— Отойди, — сказала я.

— Почему?

— Потому что мне неприятно.

Он чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к дыханию.

— Врешь.

У меня внутри все обожгло яростью.

— Ты слишком высокого мнения о себе.

— А ты слишком стараешься доказать обратное.

Я хотела толкнуть его в грудь, но не успела. Он сам сделал

шаг назад. Ровно один. Достаточный, чтобы я снова могла дышать нормально. И в этом снова был весь он — не брать лишнего, если можно заставить тебя думать об этом самой.

— Машина отвезет тебя в салон в одиннадцать, — сказал Андрей, словно между нами только что не натянулась искра. — Водителя зовут Артем. Если захочешь поехать куда-то еще, предупреждаешь Марину.

— То есть даже передвигаться без доклада я не могу?

— Можешь. Но тогда охрана поедет за тобой без предупреждения. Выбирай, что меньше раздражает.

— Ты параноик.

— Я предусмотрителен.

— Нет. Ты просто привык, что у всего в твоём мире есть поводок.

Его взгляд стал чуть холоднее.

— А ты привыкла думать, что хаотичность делает тебя свободной.

— По крайней мере, это моя хаотичность.

— Теперь не только твоя.

Вот она. Суть. Его фамилия, его дом, его машина, его график, его правила. Даже моя злость здесь будто уже была учтена заранее. Мне захотелось закричать, разбить что-нибудь, сделать хоть что-то, что испортит эту идеальную поверхность. Но я только крепче сжала папку в пальцах.

— Я поеду одна, — сказала я.

— Нет.

— Это не просьба.

— И у меня не просьба.

Мы снова смотрели друг на друга, как два человека, которые еще ничего по-настоящему не начали, но уже знают: дальше будет хуже.

Я улыбнулась. Медленно. Очень спокойно.

— Ты ошибся в одном, Андрей.

— В чем именно?

— Ты думаешь, если на мне теперь твоя фамилия, я стану удобной.

Он ответил почти без паузы:

— Нет. Я думаю, что рано или поздно ты поймешь, где заканчивается твое упрямство и начинаются последствия.

— А я думаю, ты однажды очень пожалеешь, что сделал меня своей женой.

На этот раз он действительно улыбнулся. Едва заметно. Так, что у нормального человека по спине пошел бы холод. А у меня почему-то перехватило дыхание.

— Уже нет, — сказал он.

Я развернулась и вышла из столовой, чувствуя его взгляд между лопаток. Не липкий. Не жадный. Контролирующий. Будто даже сейчас, когда я уходила, он уже видел, как пройдет мой день, где я сорвусь, где вспыхну, где попытаюсь ударить в ответ. И больше всего меня бесило то, что, возможно, он действительно видел.

Наверху Марина уже ждала меня с идеальной невозмутимостью.

мостью.

— Вам помочь собраться, Елизавета Андреевна?

Я остановилась посреди коридора и медленно посмотрела на нее.

— Не называйте меня так.

Она чуть склонила голову.

— Как прикажете к вам обращаться?

Я хотела сказать: Лиза. Просто Лиза. Как раньше. Как до этого дома. До этой фамилии. До него. Но слова застряли.

Потому что «раньше» уже не было.

— Елизавета, — произнесла я наконец.

— Хорошо, Елизавета.

Я вошла в спальню и закрыла дверь. На кровати уже лежало новое платье — темно-синее, дорогое, безупречно скромное. Рядом — коробка с туфлями, клатч, тонкое украшение. Все подобрано заранее. Все предусмотрено. Все решено за меня.

Я подошла к зеркалу и долго смотрела на свое отражение. На лицо, которое за одну ночь стало старше. На кольцо. На женщину, которую все вокруг уже начали называть новой фамилией, будто старая стерлась сразу после подписи.

Я медленно сняла кольцо и сжала его в ладони. Металл врезался в кожу. На несколько секунд стало легче дышать.

Но потом я слышала шаги в коридоре. Мужские. Уверенные. Не быстрые. И почему-то сразу поняла, что это он.

Я даже не успела надеть кольцо обратно, когда дверь от-

крылась без стука.

Андрей остановился на пороге. Его взгляд сначала скользнул по моему лицу, потом опустился к руке.

К кольцу, зажатому в моей ладони.

Несколько секунд он ничего не говорил. И от этого молчания воздух в комнате стал тяжелым.

— Надень, — произнес он наконец.

— А если нет?

Он вошел в спальню и закрыл за собой дверь. Очень тихо. Слишком тихо для мужчины, от которого неприятности обычно приходят беззвучно.

— Не заставляй меня повторять дважды.

Я подняла подбородок.

— А то что? Снова напомним, что я ношу твою фамилию?

— Нет, — ответил он, глядя мне прямо в глаза. — Снова напомним, что ты сама поставила подпись.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Не от слабости. От бешенства.

— Уйди из моей комнаты.

— Это не твоя комната.

— Тогда тем более уйди.

Он сделал еще шаг. Между нами осталось слишком мало воздуха.

— Надень кольцо, Лиза.

— Не приказывай мне.

— Я не приказываю. Я даю тебе шанс не делать глупость на пустом месте.

Я сжала кольцо сильнее.

— Для тебя все, что не по твоему сценарию, — глупость.

— Нет. Только то, у чего нет последствий, которые ты способна выдержать.

Я смотрела на него и вдруг поняла, что дело не в кольце. Не в металле. Не в приличиях. Ему было нужно другое. Чтобы я сама, своими руками, признала этот брак. Признала его власть. Его право. Его фамилию на своей коже.

И именно поэтому я медленно разжала пальцы, подняла кольцо на уровень глаз и сказала:

— Никогда не путай мою необходимость с покорностью.

После этого я надела кольцо обратно.

Не для него.

Для себя.

Чтобы не забыть: эта война только началась. И если он думает, что его фамилия сделает меня своей, значит, он еще совсем меня не знает.

Глава 3. Закрытая дверь

Дом Воронцова был устроен так, чтобы человек чувствовал себя здесь маленьким, даже если вокруг не было никого. Высокие потолки, длинные коридоры, тишина, в которой шаги звучали слишком отчетливо, и безупречный порядок, от которого хотелось провести пальцем по полке только ради того, чтобы оставить след. Я поняла это уже к полудню, когда успела сменить платье, выслушать от Марины сухой список дел на день и трижды поймать себя на мысли, что в этом доме даже мое дыхание, кажется, кто-то заранее включил в расписание.

На кровати лежало темно-синее платье — строгое, дорогое, без единой лишней детали. То самое, которое он, конечно, не выбирал лично, но явно одобрил. Слишком правильное, слишком удобное для роли, которую мне уже начали шить по фигуре. Жена Андрея Воронцова должна выглядеть именно так: сдержанно, статусно, без намека на собственный вкус, если он не совпадает с общей концепцией дома.

Я надела его все равно. Не потому что смирилась. Потому что сражаться с куском ткани — это не война, а истерика. А я не собиралась дарить ему удовольствие видеть, как быстро меня можно раскачать. Я застегнула серьги, убрала волосы назад и еще раз посмотрела на себя в зеркало. Красивая.

Холодная. Почти чужая. Если бы не злость в глазах, я бы, наверное, и сама поверила, что уже вписалась в его жизнь.

Внизу меня ждал водитель. Артем. Лет сорока, крепкий, молчаливый, с тем особым выражением лица, по которому сразу видно: он умеет не задавать вопросов и не замечать лишнего. Он открыл передо мной дверь машины так спокойно, будто вчера я не была посторонней женщиной, а уже десятый год ездила по этому маршруту.

— Куда едем? — спросила я, когда машина вырулила за ворота.

— В салон, Елизавета.

— А потом?

— По вашему графику.

Я усмехнулась и отвернулась к окну. По вашему графику. Уже не по его, не по расписанию, не по плану дома. По моему. Как быстро они научились упаковывать контроль в вежливые слова.

Город за стеклом жил своей жизнью. Люди шли по делам, кто-то пил кофе на ходу, кто-то смеялся в телефон, на перекрестке девушка в ярком пальто спорила с таксистом, и эта обычная, шумная, свободная жизнь казалась сейчас почти нереальной. Будто я смотрела на нее из аквариума. Прозрачного, дорогого, идеально вымытого, но все равно аквариума.

На втором светофоре я сказала:

— Сверните направо.

Артем не шевельнулся.

— Мы едем по утвержденному маршруту.

— Я изменила маршрут.

— Мне не поступало другой информации.

Я медленно повернула голову.

— То есть без разрешения Андрея я не могу поехать даже туда, куда хочу?

— Я отвечаю за вашу безопасность.

— А я, видимо, за твое удобство.

Он ничего не ответил. Даже взгляд не дрогнул. Машина так и поехала прямо. Я сжала пальцы на клатче и почувствовала, как внутри поднимается жар. Не вспышка. Не скандал. Хуже. Холодная, вязкая ярость, когда тебе уже не хочется кричать, потому что все становится слишком понятным.

Салон оказался таким же идеальным, как и все, к чему прикасалась фамилия Воронцова. Меня встретили по имени, провели внутрь, предложили кофе, уточнили, какой уход предпочитаю, хотя я ничего не предпочитала и никуда не собиралась. Пока мне подравнивали волосы и делали легкий макияж «для обеда», я сидела в кресле и думала о том, как быстро можно превратить женщину в проект. Немного там, немного здесь, правильный цвет, правильный образ, правильная осанка — и вот уже не человек, а версия, удобная для чужой жизни.

Когда мастер отошла, я взяла телефон. Мамин номер был первым в списке. Я уже нажала вызов, когда на экране вспыхнуло: «Исходящие вызовы временно ограничены. Обрати-

тесь к оператору». Несколько секунд я просто смотрела на экран, не веря. Потом набрала снова. То же самое. Не ошибка. Ограничение.

Сердце ударило сильнее. Я открыла мессенджер. Сообщения отправлялись. Но звонки — нет.

Я медленно выдохнула, пытаясь не показать лицом ничего лишнего. Возможно, случайность. Возможно, сбой. Возможно...

Нет. Не возможно. В этом доме случайностей не было. Когда я вернулась в машину, то уже знала, что спрошу.
— Мой телефон кто-то блокировал? — спросила я, едва Артем закрыл дверь.

— Не могу знать.

— Не можешь или не хочешь отвечать?

— Я занимаюсь маршрутом и безопасностью.

— А мой муж занимается тем, чтобы моя связь с внешним миром работала по разрешению?

Он посмотрел вперед, на дорогу.

— Если у вас есть вопросы, лучше задать их Андрею Викторовичу лично.

Конечно. Лично. Как вежливо. Как удобно. Все тропинки здесь вели к одному человеку.

Я сдержалась до дома. Даже не из гордости — из злости. Не хотела устраивать вспышку при посторонних. Не хотела давать повод потом сказать, что у меня нервы, капризы, женская нестабильность. Мне нужно было понять правила. До

конца. Чтобы потом ломать уже не пальцы о стены, а сами стены.

В холле Марина встретила меня тем же безупречно нейтральным лицом.

— Обед через сорок минут. Госпожа Воронцова уже приехала.

— Отлично, — сказала я. — А Андрей?

— В кабинете.

Я пошла туда сразу. Даже не снимая пальто. Марина что-то сказала мне вслед, но я не расслышала. Или не захотела расслышать. Кабинет находился в дальнем крыле дома, за тяжелой темной дверью. Я постучала один раз и, не дожидаясь ответа, вошла.

Он стоял у окна и говорил по телефону. Услышав шаги, только скользнул по мне взглядом и жестом указал на кресло. Сесть я, разумеется, не собиралась.

— Перезвоню, — произнес он наконец и отключился. — Ты сноваходишь без разрешения.

— А ты снова решаешь за меня, когда и кому я могу звонить.

Его лицо не изменилось.

— О чем ты?

Я достала телефон и бросила его на стол перед ним.

— О том, что мои вызовы заблокированы.

Он посмотрел на экран, потом на меня.

— Корпоративная сим-карта. На ней стоят ограничения.

Я несколько секунд молчала, чтобы не сказать первое, что пришло в голову.

— Корпоративная?

— Телефон оформлен на службу безопасности. Так безопаснее.

— Безопаснее для кого? Для меня или для твоего контроля?

Он обошел стол и остановился напротив. Спокойный. Собранный. Невыносимый.

— Для тебя.

— Не ври мне так лениво.

— Я не вру.

— Тогда давай по-честному. Что еще ты уже успел у меня отобрать, пока я спала? Право ехать туда, куда хочу? Право звонить, кому хочу? Право выйти за ворота без сопровождающего?

На последней фразе в его взгляде что-то едва заметно изменилось.

— За ворота без охраны ты не выходишь.

Вот так. Просто. Без театра. Как факт. Как будто обсуждался не взрослый человек, а музейный экспонат.

— То есть я под домашним арестом?

— Ты под защитой.

Я рассмеялась. Резко. Зло.

— Какая удивительная у тебя защита. Чем больше ты защищаешь, тем меньше у человека остается воздуха.

— Воздух у тебя есть.

— Не благодаря тебе.

Он оперся ладонями о край стола и чуть склонил голову, разглядывая меня так внимательно, будто я была задачей, где он уже видел решение, но хотел посмотреть, как именно я дойду до правильного ответа.

— Ты не понимаешь масштаб ситуации.

— Так объясни.

— Не сейчас.

— Нет, именно сейчас. Ты взял меня в жены, закрыл в доме, посадил на поводок машину, охрану и телефон. Так расскажи, что именно в моей жизни настолько страшно, что я должна спрашивать разрешение даже на поворот направо?

Несколько секунд он молчал. Это молчание было хуже любого крика. Потом произнес:

— У твоего отца не только долги.

Я замерла.

— Что это значит?

— Это значит, что люди, с которыми он работал в последние месяцы, не отличаются терпением.

— Ты сейчас пытаешься напугать меня?

— Нет. Я объясняю, почему ты не будешь ездить по городу одна.

Я смотрела на него и чувствовала, как злость сталкивается внутри со страхом. Не тем страхом, от которого хочется спрятаться. Тем, который заставляет задавать еще больше

вопросов.

— Почему ты не сказал этого раньше?

— Потому что вчера у тебя была свадьба.

— Отличный момент, да. Сначала жениться, потом сообщить, что я, оказывается, под угрозой.

— Ты и до свадьбы была под угрозой. Просто тогда тебя никто не охранял.

Эта фраза ударила в висок. Я отвернулась, подошла к окну, будто там можно было найти хоть немного воздуха. Во дворе я сразу заметила двоих мужчин в темных куртках. Один стоял у ворот, второй — у машины. Не охрана дома. Охрана меня.

— Сколько? — спросила я тихо.

— Что сколько?

— Сколько человек ты поставил за мной следить?

— Достаточно.

— Ненавижу такие ответы.

— Знаю.

Я обернулась.

— Ты вообще умеешь говорить как нормальный человек?

— Когда это эффективно — да.

— А сейчас, видимо, тебе выгодно быть стеной.

— Сейчас мне выгодно, чтобы ты осталась жива и не делала глупостей на эмоциях.

Это было сказано все тем же ровным тоном, но что-то в нем все-таки дрогнуло. Не нежность. Не беспокойство. Ско-

рее жесткость человека, которому действительно не все равно, если объект его контроля пострадает. И именно это было сильнее всего — за этой клеткой вполне могла стоять реальная опасность. А значит, бороться с ним становилось сложнее. Потому что проще ненавидеть тирана, чем мужчину, который хотя бы отчасти прав.

— Ты мог сказать иначе, — произнесла я.

— Мог.

— Но не захотел.

— Я не люблю повторять дважды то, что можно понять с первого раза.

— А я не люблю, когда меня превращают в послушную пленницу.

Он подошел ближе. Не вплотную, но на расстояние, где его присутствие уже чувствовалось кожей.

— Тогда перестань вести себя как пленница.

Я моргнула.

— Что?

— Пленники либо ломаются, либо бегут. Ты пока делаешь только одно — злишься. Это лучше.

Я смотрела на него, не веря собственным ушам.

— Ты сейчас серьезно читаешь мне лекцию о достоинстве в клетке, которую сам и построил?

— Я строю защиту, — ответил он. — А клеткой ты называешь ее сама.

— Потому что дверь закрыта.

Он перевел взгляд на дверь кабинета, потом снова на меня.

— Попробуй открыть.

Я зло усмехнулась, но все-таки развернулась, подошла к двери и нажала ручку. Дверь открылась сразу. Свободно. Без замка.

Я замерла на секунду, чувствуя, как внутри неприятно шевельнулась досада. Он видел это по моему лицу. Конечно видел.

— Дело не в двери, Лиза, — тихо сказал Андрей. — А в том, что снаружи ты не контролируешь ничего.

Я резко отпустила ручку.

— А здесь, значит, контролируешь ты.

— Здесь хотя бы кто-то контролирует.

Я развернулась к нему так резко, что волосы ударили по щеке.

— Не смей говорить со мной так, будто я беспомощная.

— Тогда не веди себя так, будто можешь позволить себе роскошь не думать о последствиях.

Мы замолчали оба. Напряжение повисло между нами почти физически. Мне хотелось ударить его. Хотелось вцепиться в эту его безупречную рубашку и заставить хоть на секунду потерять спокойствие. Но я стояла на месте и чувствовала другое: он снова загонял меня туда, где бессильная вспышка будет выглядеть именно так, как ему выгодно.

Нет. Не сегодня.

Я медленно выдохнула и сделала шаг назад. Потом еще один.

— Хорошо, — сказала я.

Он чуть прищурился.

— Хорошо?

— Да. Я слышала. Есть люди, есть угроза, есть твоя охрана, твоя машина и твоя система безопасности. Допустим.

— Допустим?

— Но не путай одно с другим, Андрей. Если мне сейчас действительно нужна защита, это не значит, что я признала твое право распоряжаться всей моей жизнью.

В его глазах мелькнуло то самое выражение, которое я уже начала узнавать. Не раздражение. Интерес. Почти уважение, тщательно спрятанное под контролем.

— Это ближе к разумному разговору, — сказал он.

— Не обольщайся. Это не согласие. Это временное перемирие.

— Для начала сойдет.

Я подошла к столу, забрала телефон и убрала его в сумку.

— Разблокируй мне звонки на мать.

— Сделаю.

— Сегодня.

— В течение часа.

— И я хочу знать, кто именно угрожает моей семье.

Он помолчал.

— Пока нет.

Я холодно улыбнулась.

— Значит, перемирие было коротким.

— Значит, есть вещи, о которых ты узнаешь, когда я сочту это безопасным.

— Ненавижу тебя.

Слова вырвались слишком легко. Я не собиралась говорить их вслух именно сейчас, но они все равно упали между нами.

Он не отвел взгляд.

— Это удобнее, чем бояться.

Я уже дошла до двери, когда обернулась.

— Ошибаешься. Я не боюсь тебя.

Он ответил почти сразу:

— Я знаю. И именно поэтому ты все еще стоишь прямо.

Эта фраза догнала меня уже в коридоре. Я шла к лестнице и чувствовала, как в груди все еще гудит от разговора. Он был прав в одном: я не боялась его так, как, наверное, боялись другие. Злилась. Ненавидела. Реагировала слишком остро. Но не боялась. А значит, у меня все еще было то, чего он не мог забрать никакими охранниками, сим-картами и расписаниями.

В обеденном зале меня ждала его мать.

Она сидела у окна с идеально прямой спиной и тонкими пальцами держала чашку чая так, будто всю жизнь тренировалась быть эталоном безупречности. На вид ей было около шестидесяти, но возраст на ней лежал дорого и краси-

во. Светлые волосы уложены безупречно, жемчуг на шее, холодные серые глаза, в которых я в первую секунду увидела не женское любопытство, а оценку. Точную. Быструю. Почти деловую.

— Елизавета, — произнесла она, когда я вошла. — Наконец-то.

Не «дорогая». Не «рада познакомиться». Конечно.

— Добрый день.

— Подойдите ближе. Я хочу на вас посмотреть.

Я подошла. Медленно. Спокойно. Если эта семья и правда считала, что меня можно разбирать на части взглядом и интонацией, им стоило узнать, что я умею смотреть в ответ.

Она окинула меня взглядом с головы до ног. Платье, серьги, осанка, кольцо. Особенно кольцо.

— Вам идет фамилия Воронцова, — сказала она.

Я села напротив, не дожидаясь приглашения.

— Я еще не успела привыкнуть.

— Привычка приходит быстро, если женщина умна.

Я взяла бокал воды.

— Значит, у меня есть шансы.

На секунду в ее лице мелькнуло что-то похожее на удивление. Или, возможно, раздражение от того, что я не выбрала роль тихой девочки.

Обед прошел на тонкой грани. Она задавала вопросы о моем образовании, интересах, семье, прошлом так вежливо, что формально придаться было не к чему. Но под каждым

словом чувствовалось другое: подходит ли, выдержит ли, не позор, не ошибка ли. Я отвечала так же вежливо. Так же аккуратно. И с каждым новым вопросом все отчетливее понимала: в этом доме умеют резать не ножом, а салфеточной складкой.

— Вы любите благотворительность? — спросила она наконец.

— Пока не успела полюбить по приказу.

Ложка в ее чашке тихо звякнула о фарфор.

— Андрей сказал, у вас острый язык.

— А я начинаю понимать, в кого он такой спокойный.

Это был опасный выпад. Я знала. Но не удержалась. На секунду повисла пауза. Потом уголок ее губ чуть дрогнул.

— По крайней мере, скучно с вами не будет, — сказала она.

— Боюсь, это уже семейное.

Когда обед закончился, я поднялась из-за стола с гудящей головой и идеально прямой спиной. Ни одного лишнего движения. Ни одной явной ошибки. Я выстояла. Не потому что одержала победу. Потому что не дала им увидеть трещину.

Вечером, уже у себя в комнате, я подошла к окну. Во дворе по-прежнему были охранники. У ворот стояла машина. Где-то внизу тихо переговаривался персонал. Дом жил по своим идеальным, чужим, безжалостным правилам.

Я положила ладонь на стекло и впервые за день позволила себе признать это честно: да, меня заперли. Не дверью. Си-

стемой. Деньгами. Долгами отца. Угрозой извне. Фамилией на пальце. Мужчиной, который привык решать за всех.

Но вместе с этим я признала и другое.

Запереть — не значит сломать.

Я все еще была здесь. Все еще думала. Все еще злилась.

А значит, жила.

Дверь за спиной открылась без стука. Я даже не обернулась сразу.

— Ты опятьходишь в мою комнату как к себе домой? — спросила я, глядя в окно.

— Это и есть мой дом.

Я усмехнулась и только потом повернулась. Андрей остановился в нескольких шагах от меня. Пиджак снят, галстука нет, взгляд усталый, но все такой же точный.

— Мать осталась довольна, — сказал он.

— Мне аплодировать?

— Тебе — нет. Себе можешь.

— Как щедро.

Он сделал еще шаг. Неопасный. Но я уже слишком хорошо знала, что с ним даже неопасные шаги редко бывают случайными.

— Звонки разблокировали, — произнес он.

— Спасибо, хозяин.

Его взгляд потемнел.

— Не начинай.

— Почему? Тебе можно строить из себя великого спаси-

теля, а мне нельзя назвать вещи своими именами?

— Я не спаситель.

— Конечно. Ты просто мужчина, который решает, сколько у меня свободы, и искренне считает, что делает доброе дело.

Он подошел еще ближе.

— Я решаю, сколько у тебя защиты.

— Нет. Ты решаешь, сколько у меня поводка.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга молча. Потом он произнес неожиданно тихо:

— Я бы предпочел, чтобы ты ненавидела меня живой, а не доверчивой и мертвой.

У меня внутри на секунду все сбилось. Дыхание, ритм сердца, готовая язвительность. Потому что это прозвучало слишком честно. Слишком жестко. Слишком не похоже на отрепетированную фразу человека, который всегда знает, что говорит.

Я первой отвела взгляд.

Ненавижу.

Ненавижу, когда он делает это одним предложением — сбивает почву под ногами и оставляет меня наедине с тем, что я не могу просто списать его в чудовища без остатка.

— Я все равно не стану послушной, — сказала я тише.

— Я и не жду.

— Тогда зачем пришел?

— Посмотреть, сломаешься ли ты сегодня.

Я резко подняла глаза.

— И что?

Он долго смотрел на меня. Так долго, что мне стало тесно в собственной коже.

— Не сломалась, — произнес наконец.

Это не было похвалой. Не было нежностью. Но по какой-то причине именно от этих двух слов по спине пробежала дрожь.

— Разочарован? — спросила я.

— Наоборот.

Он развернулся и пошел к двери. Уже у порога остановился.

— Завтра в десять ты едешь со мной.

— Куда?

— Узнаешь.

— А если я не поеду?

Он чуть повернул голову.

— Поедешь.

Дверь закрылась, а я осталась стоять у окна, глядя на свое отражение в темном стекле. Чужой дом. Чужая фамилия. Чужие правила. Но взгляд в отражении был мой. Упрямый. Злой. Живой.

Я медленно сняла кольцо, сжала его в ладони, потом снова надела обратно.

Не как знак принадлежности.

Как напоминание.

Он мог закрыть вокруг меня двери, поставить у ворот лю-

дей и отрезать мне половину мира. Но он еще не понял главного.

Я не из тех, кто ломается в клетке.

Я из тех, кто начинает изучать замок.

Глава 4. Первый удар без рук

На следующее утро я проснулась раньше будильника. За окном только-только серело, дом еще молчал, и в этой тишине было что-то обманчиво мирное. На несколько секунд можно было представить, что я не в чужой спальне, не под чужой фамилией, не в браке, который пахнет не любовью, а контролем. Но потом взгляд упал на кольцо, лежавшее рядом на прикроватной тумбе, и иллюзия закончилась.

Я надела его не сразу. Сначала умылась, собрала волосы, долго стояла у окна, глядя на влажный после ночи двор. Охранник у ворот уже был на месте. Черная машина тоже. Даже утро в этом доме просыпалось по приказу. Только после этого я взяла кольцо и надела на палец. Металл был прохладным. Чужим. Но я больше не снимала его с тем внутренним дрожанием, что в первый день. Теперь это было не про смирение. Про память. Про то, что я не должна забывать, во что именно ввязалась.

В десять я спустилась вниз. Андрей уже ждал в холле. Темное пальто, часы, телефон в руке, спокойное лицо человека, который не опаздывает даже мысленно. Рядом стоял Артем, чуть поодаль — еще один незнакомый мужчина из охраны.

— Ты пунктуальна, — сказал Андрей вместо приветствия.

— Не хочу лишать тебя радости контролировать хотя бы

это.

Он посмотрел на меня так, будто прикидывал, стоит ли отвечать. Потом просто открыл передо мной дверь.

— Поехали.

— Может, хотя бы сегодня скажешь, куда?

— Увидишь.

— Обожаю, когда меня держат в неведении. Очень укрепляет брак.

— Наш брак укрепляет не это.

— А что? Поводок подлиннее?

Он никак не отреагировал. Только жестом показал на машину. Я села внутрь с ощущением, что добровольно захожу в очередную ловушку, просто пока не понимаю, где в ней захлопнется створка.

Ехали мы молча почти двадцать минут. Я сначала смотрела в окно, потом на экран телефона, где по-прежнему не было ничего, кроме пары сообщений от матери и сухого напоминания о благотворительном совете, который Марина переслала мне утром. Наконец машина свернула к большому зданию из стекла и темного камня. На фасаде не было вывески, только логотип, который я видела раньше в новостях и деловых журналах. Главный офис Воронцова.

Я повернулась к нему.

— Seriously?

— Да.

— Зачем я здесь?

— Потому что ты моя жена.

— Этого ответа я уже наелась.

Он впервые за утро чуть повернул ко мне голову.

— Тогда привыкай к следующему: люди будут смотреть. Спрашивать. Проверять. Мне удобнее, когда это происходит при мне.

Я улыбнулась одними губами.

— То есть сегодня ты решил официально показать всем, что новый актив введен в эксплуатацию?

— Сегодня я решил, что слухи должны увидеть твое лицо.

— Какая честь.

Он вышел из машины первым. Я задержалась на секунду, глядя на стеклянные двери, за которыми двигались люди в строгих костюмах. Этот мир был его территорией. Его воздухом. Его нервной системой. Здесь он, наверное, чувствовал себя не человеком, а законом природы.

Внутри нас встретила девушка на ресепшене. Молодая, собранная, идеально накрашенная. Увидев Андрея, она выпрямилась сильнее, чем требовали приличия.

— Доброе утро, Андрей Викторович.

— Доброе.

Ее взгляд скользнул ко мне и замер. Всего на секунду. Но я успела прочесть все: интерес, оценка, сравнение, мгновенный внутренний пересчет моего места в иерархии.

— Елизавета, — спокойно произнес Андрей, не глядя на девушку. — Моя жена.

Не «это Лиза». Не «познакомьтесь». Не «прошу любить и жаловать». Просто обозначение. Факт. Печать. Власть. И почему-то именно от этого у меня снова свело зубы.

— Очень приятно, — выдавила девушка.

— Конечно, — ответила я с вежливой улыбкой.

Мы прошли дальше. Люди действительно смотрели. Кто-то делал вид, что занят телефоном. Кто-то здоровался с ним и будто случайно задерживал взгляд на мне на полсекунды дольше положенного. В лифте к нам присоединились двое мужчин, и оба за время подъема успели мельком, но очень внимательно оценить мое кольцо, лицо, осанку. Слухи уже жили своей жизнью. Андрей просто выводил их на свет.

Его кабинет занимал целый угол верхнего этажа. Огромные окна, город под ногами, темное дерево, стекло, порядок, воздух с легкой горечью кофе и мужского парфюма. Здесь все было продолжением его самого — холодное, дорогое, точное.

— Садись, — сказал он, снимая пальто.

— Я не твой сотрудник.

— Верно. Поэтому можешь стоять, если хочешь осложнить себе жизнь каблуками.

Я села. Назло — спокойно и красиво, будто сама выбрала это кресло, этот кабинет и всю эту сцену. Андрей уже разговаривал с помощником, отдавая указания по встречам. Быстро. Без лишних слов. Без повтора. Мужчина лет тридцати слушал его с тем выражением сосредоточенности, которое

бывает у людей рядом с опасным начальством: не страх, а постоянная готовность не ошибиться.

Когда помощник вышел, Андрей открыл папку и, не глядя на меня, сказал:

— Через сорок минут у меня совещание. Потом обед с партнерами. Потом короткая встреча с прессой в холле. Ты поедешь домой после обеда.

— Невероятно. Даже мое присутствие у тебя разложено по часам.

— Да.

Я усмехнулась.

— И тебя не смущает, насколько это ненормально?

Он поднял глаза.

— Меня смущает только то, что ты до сих пор считаешь хаос признаком свободы.

— А ты до сих пор считаешь контроль признаком заботы.

— В моем мире это часто одно и то же.

— Тогда у тебя очень больной мир.

Он не обиделся. Конечно. Чтобы обидеть такого, нужно бить туда, куда допущены единицы. А я пока даже не знала, есть ли у него вообще живое место.

В дверь постучали. Вошла женщина лет сорока с тонкой папкой в руках. Высокая, ухоженная, с уверенной пластикой человека, который давно знает себе цену. Она остановилась у стола, и на секунду я уловила почти невидимую паузу, когда ее взгляд задержался на мне.

— Андрей Викторович, документы на подпись.

— Оставьте.

Она положила папку и только потом повернулась ко мне.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Кира, — представилась она. — Директор по внешним коммуникациям.

Ну конечно. Внешние коммуникации. Женщина, которая наверняка умеет гасить скандалы, чистить репутацию и превращать даже грязь в благородный мрамор.

— Елизавета, — ответила я.

Она улыбнулась. Безупречно. Слишком профессионально, чтобы быть искренней.

— Мы рады, что Андрей Викторович наконец женился.

Я чуть склонила голову.

— Звучит так, будто компания давно этого ждала.

Уголок ее губ едва заметно дрогнул.

— Некоторые решения укрепляют позиции.

— Особенно если правильно оформить пресс-релиз?

Кира перевела взгляд на Андрея. Он уже смотрел на меня.

Спокойно. Но слишком внимательно.

— Свободны, — сказал он Кире.

Когда за ней закрылась дверь, я откинулась на спинку кресла.

— Любопытная женщина.

— Да.

— Спит с тобой?

В кабинете стало тихо. Не скандально тихо. Хуже. По-настоящему.

Андрей медленно положил ручку на стол.

— Ты сейчас пытаешься меня уколоть или действительно настолько не умеешь выбирать момент?

— А ты попробуй ответить.

— Нет.

Я смотрела на него и чувствовала, что не верю ему не потому, что он обязательно врет, а потому, что этот вопрос вообще задел меня сильнее, чем должен был. Это раздражало отдельно.

— Очень убедительно.

— Меня не интересуют игры ревности.

— Прекрасно. Меня тоже.

— Тогда не задавай вопросы, на которые тебе не нужен ответ.

Вот. Опять. Он всегда умудрялся перевернуть разговор так, чтобы я первой почувствовала себя неуверенно. Как будто это не он держал меня на коротком поводке, а я сама пришла сюда выяснять, с кем он спит и кто в его офисе слишком близко подходит к столу.

Я отвернулась к окну.

— Я не ревную.

— Хорошо.

— И не претендую на роль счастливой жены влюбленного

мужчины.

— Еще лучше.

— И вообще мне плевать, кто был у тебя до меня.

— Отлично.

Я резко повернулась к нему.

— Ты можешь хоть раз перестать отвечать так, будто производишь мне тест на выдержку?

— Могу, — спокойно сказал он. — Но пока не вижу смысла.

Я встала.

— Тогда я поеду домой сейчас.

— Нет.

— Это уже смешно.

— Сядь, Лиза.

— Не хочу.

— Я не прошу.

Вот он. Первый настоящий удар без рук. Не громкость, не жест, не угроза. Просто интонация, от которой в позвоночнике все выпрямляется само. Я замерла, ненавидя уже не только его, но и собственное тело за то, что оно уловило этот холодный приказ раньше разума.

Он тоже это заметил.

Конечно заметил.

— Я сказал: сядь.

И я села.

Не потому что испугалась. Не потому что подчинилась.

Потому что на эту секунду между нами произошло что-то слишком острое, слишком прямое, и я поняла: если продолжу стоять, это уже будет не сцена, а настоящая схватка. А я пока не знала правил его территории настолько хорошо, чтобы драться здесь вслепую.

Он выдержал паузу. Ровно столько, сколько нужно, чтобы я почувствовала вкус собственного поражения.

— Вот теперь слушай внимательно, — произнес Андрей. — Ты можешь ненавидеть меня, спорить, язвить, провоцировать. Но ты не устраиваешь сцены в моем офисе, не пытаешься демонстративно уходить и не даешь никому повода думать, что рядом со мной можно увидеть слабость.

Слабость.

Вот что для него было главным. Не приличия. Не репутация. Слабость.

— Я не твоя декорация, — сказала я тихо.

— Тогда не веди себя как человек, которого можно вынести из комнаты из-за истерики.

У меня вспыхнули щеки.

— Я не истеричка.

— Докажи.

Эти два слога ударили так, что на секунду у меня пересохло во рту. Потому что он опять делал это — не давил в лоб, а подбрасывал мне роль, из которой я уже сама не хотела выпадать. И пока я доказывала ему, что не истеричка, не слабая, не девочка, меня уже подводили именно туда, куда

было нужно ему.

Я медленно закинула ногу на ногу, сложила руки на подлокотниках и встретила его взгляд в упор.

— Хорошо. Доказала?

В его глазах мелькнуло что-то темное. Почти одобрение. Почти голод. Почти интерес, от которого у меня внутри стало жарче, чем следовало.

— Почти, — сказал он.

Я ненавидела это слово.

Совещание длилось сорок минут. Потом час. Потом еще двадцать минут сверху. Люди входили и выходили из кабинета, на экране мелькали цифры, графики, какие-то документы. Андрей говорил мало, но каждый раз так, что остальные сразу перестраивались под его ритм. Никакой суеты. Никакой лишней власти на показ. И именно поэтому его власть чувствовалась острее. Он не продавливал людей. Он просто задавал температуру, при которой всем приходилось работать по его правилам.

Я сидела в стороне, делая вид, что просматриваю бумаги из папки благотворительного фонда, а сама наблюдала. За ним. За тем, как он чуть хмурит лоб, когда слышит глупость. Как не повышает голос даже тогда, когда кто-то несет откровенный бред. Как люди вокруг начинают говорить короче, точнее, умнее просто потому, что рядом с ним иначе нельзя. Это было красиво. Холодно. Почти пугающе.

И я поймала себя на мерзкой мысли: я бы поняла, почему

женщины рядом с ним хотели, чтобы он смотрел только на них. Даже когда этот взгляд мог уничтожить.

Я оторвала глаза от его рук и тут же мысленно выругалась. Нет. Ни за что. Не хватало еще разбирать, как у него двигаются пальцы, когда он листает документы.

После совещания он вышел со мной в холл, где уже ждали несколько человек и фотограф. Кто-то из прессы действительно был на месте — немного, всего пара камер и один журналист с очень быстрыми глазами. Андрей положил руку мне на поясницу. Спокойно. Твердо. Как метку.

— Улыбнись, — сказал он так тихо, что это услышала только я.

— Подавись.

— Уже лучше.

Щелкнули камеры. Журналист задал пару дежурных вопросов о браке, о семье, о будущем благотворительном проекте супруги Воронцова. Супруги Воронцова. Даже не мое имя. Роль. Я ответила ровно, без запинки, без подарка для заголовков. Андрей ни разу не перебил. Только рука на моей спине оставалась все той же — неторопливой, тяжелой, слишком уверенной. И от нее по коже расходилось раздражающее тепло.

Когда все закончилось, я отошла на шаг.

— Убери руку.

— Уже убрал.

— Ты специально это делаешь.

— Что именно?

— Трогаешь меня при всех так, будто имеешь на это право.

Он посмотрел прямо мне в глаза.

— Имею.

— Только на публике?

— На публике это особенно полезно.

— Какая же ты сволочь.

— Я знаю.

И снова он сказал это без тени смущения, будто для него в этом даже не было оскорбления. Просто рабочая характеристика.

На обеде с партнерами я почти не ела. Сидела рядом, улыбалась тогда, когда требовалось, говорила ровно настолько, насколько было нужно. Андрей не смотрел на меня часто. Но я кожей чувствовала каждый такой редкий взгляд. Как проверку. Как напоминание. Как касание, которого вроде бы нет, но тело все равно улавливает.

Обратно мы ехали молча. Я устала сильнее, чем после свадьбы. Не физически. Иначе. Как устают после долгого поединка, где никто не бил, но каждая реплика приходилась точно в кость.

Только когда машина въехала во двор, я произнесла:

— Ты специально сделал это в кабинете.

— Что именно?

— Приказал мне сесть. При всех этих взглядах, стенах,

своих правилах. Чтобы проверить, подчинюсь ли я.

Он вышел из машины и подал мне руку. Я проигнорировала ее и вышла сама.

— Да, — ответил он уже у ступеней.

Я остановилась.

— И?

— И ты поняла, что это было.

— Ты не имеешь права так со мной обращаться.

— Я обращаюсь с тобой так, как требует ситуация.

— Нет. Ты просто хотел показать, кто сильнее.

Он обернулся ко мне вполоборота. Вечерний свет ложился на его лицо жестче обычного, подчеркивая скулы и тень усталости под глазами.

— Если бы я хотел просто показать, кто сильнее, ты бы не спорила со мной уже четвертый день подряд.

От этой фразы у меня на секунду сбилось дыхание. Потому что он был прав. Потому что любой другой на его месте, возможно, уже давно сорвался бы в грубость, крик, прямое унижение. А он держал меня в этой странной, мучительной зоне, где можно сопротивляться, но нельзя не чувствовать, кто именно задает границы.

— Тогда чего ты хочешь? — спросила я тише.

Он долго смотрел на меня. Слишком долго.

— Чтобы ты поняла разницу между силой и истерикой.

— А ты сам ее понимаешь?

— Лучше, чем ты думаешь.

— И в чем же она?

Он подошел ближе. Не касаясь. Почти вплотную.

— Сила — это когда ты можешь ударить, но выбираешь не бить.

Я подняла подбородок.

— А ты, значит, благородный?

— Нет. Просто точный.

После этого он вошел в дом, оставив меня на ступенях одну. И, наверное, именно тогда я впервые по-настоящему почувствовала, насколько опасен этот человек. Не потому что может унижить или приказать. А потому что умеет ранить без прикосновения. Без крика. Без следов.

Первый удар без рук всегда страшнее всего.

Потому что его сложнее доказать. Еще сложнее забыть. И почти невозможно не прокручивать потом в голове снова и снова.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Лежала в темноте, смотрела в потолок и вспоминала кабинет, его голос, свое собственное движение, когда я села по приказу. Это жгло сильнее, чем должно было. Сильнее, чем сама сцена. Сильнее, чем его спокойствие.

И самое страшное было даже не в этом.

Самое страшное — в коротком мгновении перед тем, как я села, я почувствовала не только ярость.

Я почувствовала отклик.

Телесный. Невольный. Почти животный.

Меня затошнило от самой себя. Я резко села на кровати, сбросила одеяло и подошла к окну. Ночной двор был пуст. Только свет у ворот и тень охраны вдалеке. Я прижалась лбом к прохладному стеклу.

— Ненавижу тебя, — прошептала я в темноту.

И не сразу поняла, кому именно это говорю — ему или себе.

Глава 5. Чужая ошибка

После поездки в его офис я впервые по-настоящему поняла, как именно Андрей ломает людей. Не криком. Не грубостью. Не тем дешевым мужским хамством, которое хотя бы легко ненавидеть. Он ломал иначе. Оставлял тебе достаточно свободы, чтобы ты сама делала шаг, а потом оказывалось, что шаг этот уже был предусмотрен им заранее. И именно это не давало мне покоя на следующее утро, когда я проснулась разбитой, злой и с ощущением, будто всю ночь спорила с ним даже во сне.

Я встала рано, не дожидаясь, пока дом окончательно проснется. Хотелось хотя бы полчаса тишины без Марины, без графиков, без его ровного голоса, который теперь иногда всплывал в памяти слишком отчетливо. Я накинула тонкий кардиган поверх домашнего платья и босиком вышла в коридор. Дом в такой час выглядел не таким живым, а скорее настороженным. Где-то внизу негромко переговаривался персонал, из дальнего крыла тянуло свежим кофе, за окнами серел влажный, еще пустой двор.

Мне вдруг нестерпимо захотелось выйти наружу. Просто пройти по саду. Почувствовать воздух без стен, без мебели, без его запаха в каждой комнате. Я спустилась по боковой лестнице, миновала холл и уже почти дотронулась до ручки стеклянной двери, когда за спиной раздалось:

— Елизавета.

Я обернулась. Не Андрей. Один из охранников. Высокий, коротко стриженный, в темной куртке, с лицом человека, которому не нравится спорить, но он будет, если прикажут.

— Что? — спросила я холодно.

— Вам не стоит выходить одной.

— Я не спрашивала, стоит или нет.

— У меня распоряжение.

Я медленно отпустила ручку.

— Конечно. А если я все-таки выйду?

— Я пойду с вами.

— А если я хочу побыть одна?

— Тогда, к сожалению, не во дворе.

Меня захлестнула такая ярость, что на секунду потемнело в глазах. Даже не потому, что меня остановили. А потому, как спокойно это было сделано. Без агрессии. Без конфликта. Просто еще одна закрытая дверь, о которой тебе сообщают вежливо.

— Передай своему начальнику, что жить под конвоем я не собираюсь.

Охранник не ответил. И это было даже хуже, чем если бы он начал оправдываться. Я развернулась так резко, что полы кардигана хлестнули по ногам, и пошла обратно в дом. Уже на лестнице увидела Андрея. Он стоял наверху, у перил, в темной рубашке и без пиджака, с чашкой кофе в руке. Кажется, наблюдал за сценой с самого начала.

— Ты доволен? — спросила я, поднимаясь к нему.

— Нет, — спокойно ответил он. — Предпочел бы, чтобы ты не проверяла границы до завтрака.

— А я предпочла бы, чтобы у меня были хоть какие-то границы, кроме твоих.

Он поставил чашку на консольный столик. Глаза у него были уставшие, будто он спал меньше меня. Но голос оставался все таким же ровным.

— Сегодня утром пришла новая информация.

— Ненавижу, когда ты так начинаешь.

— Потерпишь.

— Как мило.

Я уже хотела пройти мимо, но он произнес:

— У твоего отца был не только кредит.

Я остановилась.

— Мы это уже проходили.

— Нет. Не проходили.

Я медленно повернулась. В его лице не было привычного раздражающего спокойствия победителя. Только собранность. И это почему-то насторожило сильнее.

— Говори.

— Три месяца назад он подписал поручительство по сделке, в которую не должен был лезть.

— По какой сделке?

— Через посредников выводили деньги. Налоговые схемы, серые контракты, фиктивные поставки. Твой отец ре-

шил, что это временно и поможет закрыть кассовый разрыв.

У меня внутри все похолодело.

— Нет.

— Да.

— Он бы не полез в такое.

— Уже полез.

Я смотрела на него и пыталась понять, чего во мне сейчас больше — ужаса или желания вцепиться ему в лицо за этот спокойный тон. Потому что говорить такие вещи почти без интонации — это преступление.

— Ты врешь, — сказала я глухо.

— Нет.

— Ты хочешь сделать его еще виноватее в моих глазах.

— Ему не нужна моя помощь, чтобы выглядеть виноватым.

Эти слова ударили больно. Грязно. Точно. Я шагнула к нему.

— Не смей.

— Лиза.

— Не смей говорить о моем отце так, будто ты судья.

— Я не судья. Я человек, который сейчас разгребает последствия его решений.

— Заодно купив его дочь.

Его взгляд стал жестче.

— Я не покупал тебя.

— Нет? А как тогда это называется? Я что, по любви тут

живу?

Он промолчал, и этого молчания хватило, чтобы у меня внутри все снова вспыхнуло.

— Что за посредники? Кто они? — спросила я.

— Люди, которым безразлично, кого ломать ради денег.

— И ты, конечно, такой не человек?

— Я хотя бы не делаю вид, что мир устроен мягче, чем есть.

Я резко отвернулась, чтобы не дать ему увидеть лицо. Потому что лицо выдавало все. И бешенство. И страх. И ту мерзкую, стыдную мысль, которая уже начала оформляться: а вдруг он говорит правду?

Отец в последние месяцы и правда стал другим. Дерганным. Уставшим. Избегающим прямых разговоров. Я тогда списывала это на долги, на сердце, на возраст, на стресс. Не хотела видеть большего. Не хотела допустить, что он действительно мог влезть в дерьмо глубже, чем признался даже самому себе.

— Мне нужно поговорить с ним, — сказала я.

— Нет.

— Что значит нет?

— По телефону — нет. Лично — тоже пока нет.

Я повернулась так резко, что у меня закружилась голова.

— Ты совсем охренел?

Он не дрогнул.

— Следят не только за ним. За всеми, кто рядом.

— Это мой отец.

— Именно поэтому.

— Я имею право знать, что происходит.

— И узнаешь. Но не так, как тебе сейчас хочется.

— Хватит решать за меня!

Голос сорвался громче, чем я хотела. Из дальнего конца коридора тут же исчезла горничная, будто у стен этого дома был рефлекс не присутствовать при чужих срывах.

Андрей сделал шаг ко мне.

— Тише.

— Не смей мне это говорить.

— Тогда перестань кричать.

— Я буду кричать, если захочу!

— Нет. Не будешь.

И снова это. Ни громче. Ни резче. Но так, что меня будто полоснуло по нервам. Я ненавидела в нем эту способность одним словом выбивать воздух из груди.

— Почему ты вообще мне это рассказываешь только сейчас? — спросила я уже тише, потому что крик вдруг стал казаться слабостью. — Что, решил, что я достаточно приручена для правды?

— Решил, что ты достаточно зла, чтобы начать думать.

Я горько усмехнулась.

— Какая честь.

Он смотрел на меня несколько секунд.

— Твой отец не главный виновник. Он скорее полезный

идиот в чужой схеме. Но подписи его. Документы тоже. Если бы я не влез, его уже бы не просто прессовали банки.

— А что было бы?

— Его бы сломали быстрее.

— А меня ты, значит, ломаешь медленнее?

На этот раз он действительно разозлился. Совсем чуть-чуть. Только в глазах. Но я увидела.

— Я вытаскиваю вас обоих из чужой ошибки.

— Нет. Ты просто превратил эту ошибку в повод привязать меня к себе.

— Если бы мне нужен был просто повод, я бы не женился.

Эта фраза повисла между нами странно. Слишком двусмысленно. Слишком опасно. Я смотрела на него, пытаюсь понять, что именно он хотел сказать, но он уже отвел взгляд, будто сам понял, что сказал лишнее.

— Тогда зачем? — спросила я тише.

Он молчал.

— Андрей.

— Не сейчас.

— Нет, сейчас.

— Лиза, не дави.

Я невесело улыбнулась.

— Как интересно. Значит, тебе можно, а мне нельзя?

Он подошел ближе. Слишком близко. От него пахло кофе, холодом утреннего воздуха и чем-то еще — чем-то мужским, сухим, от чего у меня снова, некстати и неконтролируемо,

сбилося дыхание.

— Я сказал тебе достаточно на сегодня.

— Потому что дальше уже правда не такая удобная?

— Потому что дальше ты начнешь задавать вопросы, на которые я пока не отвечу.

— А если я все равно задам?

— Тогда мы поссоримся.

Я вскинула подбородок.

— Мы и так не на медовом месяце.

На его губах мелькнула тень улыбки. Не доброй. Не теплой. Усталой.

— Вот именно.

Он развернулся и пошел к лестнице. И только когда уже начал спускаться, бросил через плечо:

— К обеду тебе привезут документы по фонду. Разбери. Это пригодится.

Я смотрела ему вслед и понимала, что хочу швырнуть в него чем-нибудь тяжелым. Документы по фонду. Господи. Мир рушится, отец, возможно, влез в криминальную схему, вокруг меня охрана, а он продолжает выдавать мне папки, как будто порядок способен перекрыть страх.

Днем я все-таки поговорила с матерью. Коротко. Под надуманным предлогом. На обычном телефоне, уже разблокированном. Ее голос дрожал сильнее обычного.

— Как ты там? — спросила она.

— Нормально. А ты?

— Мы... держимся.

— Папа дома?

На том конце повисла пауза.

— Он спит.

Врет. Я слишком хорошо знала этот ее осторожный тон.

— Мам, что происходит?

— Ничего нового. Просто... сейчас не время. Не по телефону.

Я закрыла глаза. Даже она. Даже теперь. Все вокруг будто сговорились хранить от меня правду, как будто я была не взрослой женщиной, а хрупкой куклой, которую нужно уберечь от знания.

— Ты боишься?

— За тебя — да.

Сердце сжалось. Я села на край кровати, уставившись в одну точку.

— Почему за меня?

Она очень тихо выдохнула.

— Потому что ты теперь рядом с ним.

Вот и все. Не с долгами. Не с посредниками. Не со схемой. С ним.

— Ты так говоришь, будто он опаснее всех остальных.

— Я так говорю, потому что не знаю, на что он способен, если его довести.

Я не ответила. После короткого прощания еще долго держала телефон в руке и смотрела на темный экран. Забавно.

Мать боялась его. Отец, наверное, тоже. Сотрудники точно. Чужие люди — без сомнения. А я... я пока не боялась. Но, возможно, именно это делало меня самой незащищенной.

Ближе к вечеру Марина принесла папки по фонду. Я открыла их без особого желания, но уже через двадцать минут поймала себя на том, что действительно читаю внимательно. Там были реальные проекты: реабилитация детей после операций, программы поддержки женщин, оставшихся без жилья, медицинские закупки для областной больницы. Не фикция для прессы. Настоящие вещи.

Это почему-то разозлило меня еще сильнее.

Потому что было бы проще, окажись все ширмой. Проще ненавидеть его без остатка, если бы он был просто холодным собственником с красивым лицом. Но Андрей, похоже, даже благотворительность делал не ради галочки. Или, по крайней мере, не только ради нее.

Когда он вошел в комнату, я как раз листала отчеты по одному из фондов.

— Уже работаешь? — спросил он.

Я не подняла глаз.

— Не льсти себе. Я просто проверяю, насколько глубоко у тебя все рассчитано.

— И как результат?

— Раздражает.

Он прошел внутрь, остановился у стола и посмотрел на открытые бумаги.

— Почему именно этот фонд? — спросил он.

— Тут больше всего живых историй. Меньше лака.

— У тебя хороший глаз.

Я наконец посмотрела на него.

— С чего такая щедрость на комплименты?

— Это не комплимент. Констатация.

— От тебя это одно и то же.

Он чуть склонил голову, будто хотел что-то сказать, но вместо этого просто спросил:

— Ты звонила матери?

— Да.

— И?

— И мне не понравилось, что она тебя боится.

Его лицо не изменилось.

— У нее есть причины бояться любого человека, который знает, насколько глубоко влез твой отец.

— Ты снова о нем так говоришь.

— Потому что это факт.

Я закрыла папку.

— А если бы это был твой отец?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела подумать. Он замер. Совсем на секунду. Но я заметила.

— Это не мой отец, — ответил он.

— Удобно.

— Реально.

— Ты всегда такой? Никогда не даешь себе ни одной лиш-

ней эмоции?

— Ты правда хочешь обсудить мои эмоции?

— А у тебя они есть?

Он подошел ближе. Не так, как обычно. Не с явным давлением. Тише. Опаснее.

— Не задавай вопросы, на которые тебе пока не понравится ответ.

По спине прошла тонкая дрожь. Ненавижу это. Ненавижу, как он умеет одним взглядом заставить меня одновременно злиться и чувствовать что-то слишком острое, почти физическое.

— Тогда перестань говорить так, будто держишь меня за дуру, — ответила я.

— Я не держу тебя за дуру, Лиза. Я держу тебя подальше от тех, кто сломает тебя быстрее, чем я успею вмешаться.

Слова прозвучали жестко. И слишком честно.

Я медленно встала.

— Ты все время говоришь так, будто имеешь на меня какое-то особое право.

— А разве нет?

— Нет.

Он посмотрел на мое кольцо. Потом снова в глаза.

— Ты носишь мою фамилию.

— Это не делает меня твоей.

— Нет, — тихо сказал он. — Но делает моей ответственностью.

Ответственностью.

Не собственностью. Не игрушкой. Не декорацией.

Ответственностью.

И почему-то именно это слово ударило сильнее всех прежних. Потому что в нем не было романтики. Не было тепла. Но и той откровенной жестокости, к которой я уже приготовилась, тоже не было. Только тяжесть. Только выбор, который он почему-то уже сделал за нас обоих.

Я отвела взгляд первой.

— Все равно это чужая ошибка, — сказала я, почти шепотом.

— Чья?

— Отца. Его слабость. Его жадность. Его страх. Не мои. Андрей молчал.

— Но расплачиваюсь почему-то я, — закончила я.

Он ответил не сразу.

— Да.

Я скинула голову.

— И тебя даже не смущает, насколько это чудовищно?

— Меня смущает другое.

— Что именно?

— Что ты до сих пор думаешь, будто я этого не понимаю. Комната стала тесной. Слишком тихой. Слишком живой.

Я не знала, что сказать. Не потому, что он был прав. А потому, что в первый раз за все это время мне показалось: он и правда видит, как мне больно. И не отворачивается от этого.

Просто по-своему. Жестко. Неправильно. По-воронцовски.
Он развернулся к двери, но у самого выхода остановился.
— Завтра поедешь со мной на один ужин.
Я горько усмехнулась.
— Еще одна демонстрация новой жены?
— Нет. Еще одна часть реальности, которую тебе придется узнать.

Когда дверь за ним закрылась, я медленно опустилась обратно на стул и прижала ладони к лицу. Хотелось плакать, но слез не было. Только злость, стыд, усталость и та страшная, вязкая правда, которая с каждым днем вползала глубже: я действительно вышла замуж не просто за тирана. Я вышла замуж в войну, которую начали не мы. И если раньше мне казалось, что Андрей — главное зло в моей жизни, то теперь я впервые допустила мысль, что есть вещи хуже него.

А это уже было по-настоящему страшно.

Глава 6. Ненависть под кожей

На следующий день я проснулась с тяжелой головой и ощущением, будто всю ночь кто-то медленно натягивал внутри меня струну, не давая ей лопнуть. Вчерашний разговор про отца, чужие схемы, подписи, угрозы, его сухое «да» на мои слова о том, что расплачиваюсь я, — все это не ушло со сном. Только осело глубже. И хуже всего было то, что вместе со страхом и злостью во мне теперь жила еще одна вещь, которую я не хотела даже называть. Напряжение. Телесное. Низкое. Раздражающее. Такое, которое не имело права появляться рядом с человеком, которого я должна была ненавидеть без остатка.

Я долго стояла под душем, почти до боли выкручивая воду холоднее. Не помогло. Его голос все равно вспоминался слишком отчетливо. Его взгляд тоже. А вместе с ними — та мерзкая правда, что рядом с ним мне все труднее было отделять ярость от какого-то другого, слишком плотного ощущения под кожей.

К завтраку я спустилась собранной и холодной. По крайней мере, внешне. На мне было светлое платье без лишних деталей, волосы собраны в гладкий низкий хвост, на лице — минимум макияжа. Если уж играть в женщину, которую ничто не задевает, то хотя бы красиво.

Андрей уже сидел за столом. На этот раз без телефона. Пе-

ред ним лежала только чашка кофе и стопка бумаг. Он поднял глаза, когда я вошла, и я тут же почувствовала этот его спокойный, раздевающий взгляд, от которого внутри будто что-то сжималось.

— Доброе утро, — сказал он.

Я села напротив.

— Удивительно. Сегодня ты решил начать как человек.

— Не обольщайся.

— Уже поздно.

Марина поставила передо мной тарелку и тактично исчезла. Мы остались вдвоем в утренней тишине, где даже стук вилки о фарфор звучал слишком отчетливо.

— Во сколько выезжаем? — спросила я.

— В семь.

— Куда именно, ты, конечно, не скажешь.

— Скажу. На благотворительный ужин.

Я посмотрела на него с недоверием.

— Серьезно? После всего, что ты мне рассказал, мы поедем улыбаться на публике и собирать деньги под шампанское?

— Да.

— Ты чудовище.

— Возможно.

Он сказал это так спокойно, что я на секунду даже потеряла готовую реплику. Андрей отложил бумаги, посмотрел на меня внимательнее.

— Этот вечер важен.

— Для фонда или для твоего имиджа?

— Для тебя.

Я коротко усмехнулась.

— Это уже звучит почти как забота.

— Не переоценивай.

— Я бы рада. Но ты сам постоянно даешь мне поводы путаться.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то темное. Почти предупреждение.

— Не играй с этим, Лиза.

— С чем именно?

— С вещами, которые пока не понимаешь.

Я склонилась над чашкой кофе.

— Ты все время говоришь так, будто только ты здесь что-то понимаешь.

— Потому что пока это близко к правде.

Мне захотелось швырнуть в него ложкой. Вместо этого я очень аккуратно поставила чашку на блюдце.

— Ненавижу, когда ты так разговариваешь.

— Я заметил.

— И тебя это, кажется, забавляет.

— Нет.

— Тогда что?

Он не ответил сразу. Смотрел на меня слишком долго, слишком спокойно, будто взвешивал, сколько именно мож-

но сказать.

— Ты злишься правильно, — произнес он наконец.

Я моргнула.

— Это еще что значит?

— Это значит, что ты не ноешь, не просишь, не ломаешься. Пока.

— Какой щедрый комплимент.

— Это не комплимент.

— Конечно. У тебя вообще все лучшее почему-то всегда звучит как диагноз.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. И именно эта почти-улыбка взбесила меня сильнее всего. Потому что на секунду он стал слишком живым. Слишком мужчиной, а не системой контроля. Слишком тем, кого можно было бы...

Нет.

Я резко отвела взгляд.

После завтрака Марина проводила меня наверх, где уже ждали коробки с платьем, туфлями и украшениями на вечер. Я смотрела на все это с тупой усталостью. Черное шелковое платье было безупречным — не пошлым, не вычурным, а именно опасно красивым. Открытые плечи, мягкая линия выреза, ткань, которая будет ложиться по телу слишком правильно. Я провела пальцами по гладкому шелку и сразу поняла: он это одобрил. Может, не выбирал лично, но точно видел. И точно разрешил.

— Господин Воронцов попросил, чтобы к шести вы были

готовы, — сказала Марина.

— Он еще не хочет выбрать, чем мне дышать?

— Нет.

— Жаль. Было бы логично.

Она привычно промолчала. Иногда мне казалось, что весь этот дом однажды взорвется именно от накопленного молчания людей, которые все видят, но никогда ничего не называют вслух.

К вечеру я была собрана настолько безупречно, что саму себя хотелось ударить. Волосы уложены мягкими волнами, на шее тонкая цепочка, на губах темный, но не вызывающий цвет. Черное платье подчеркивало фигуру так, что я чувствовала себя не женщиной, а оружием, которое кто-то тщательно отполировал перед выходом.

Когда Андрей вошел в спальню, я стояла у зеркала и застегивала браслет. Его шаги я узнала сразу. Спокойные. Уверенные. Слишком узнаваемые уже для такого короткого времени.

— Готова? — спросил он.

— А если скажу нет?

— Все равно поедешь.

Я подняла глаза на его отражение в зеркале — темный костюм, белая рубашка, прямой взгляд. Он остановился позади, не прикасаясь. Но даже без касания пространство между нами будто стало теснее.

— Очень романтично, — сказала я.

— От нас этого и не требуется.

Я повернулась к нему. И тут же пожалела. Потому что вблизи он всегда действовал сильнее. Слишком правильный. Слишком собранный. Слишком красивый для человека, от которого хочется держаться как можно дальше.

Его взгляд медленно скользнул по мне сверху вниз. Не то-ропливо. Не нагло. Хуже. Внимательно.

— Что? — спросила я резче, чем хотела.

— Ничего.

— Врешь.

— Тебе идет это платье.

Сердце стукнуло сильнее. Господи, как глупо. Просто фраза. Просто взгляд. Но почему-то именно в такие секунды мне хотелось одновременно ударить его и сделать шаг ближе.

— Ты, кажется, слишком часто начал замечать, что мне идет, — сказала я.

— Это проблема?

— Это раздражает.

— Значит, не буду останавливаться.

У меня пересохло во рту. Я попыталась улыбнуться язвительно, но вышло хуже, чем хотелось.

— Как жаль, что я не просила твоего мнения.

— А я не спрашивал разрешения.

Его взгляд задержался на моих ключицах, на открытых плечах, потом снова поднялся к лицу. И в этот момент я слишком остро почувствовала собственную кожу. Тонкую

ткань платья. Воздух. Тепло ламп. Его присутствие. Все сразу.

Ненависть действительно уже жила под кожей. Но рядом с ней — что-то еще. Что-то, от чего тело становилось предателем.

— Не смотри на меня так, — сказала я тише.

— Как?

— Будто...

Я осеклась. Потому что не хотела произносить это вслух.

— Будто что? — спросил он.

Я резко отвернулась к зеркалу.

— Будто имеешь на это право.

Он подошел ближе. Почти вплотную. Я почувствовала это еще до того, как увидела в отражении его фигуру за своей спиной.

— Ты моя жена, — произнес он негромко.

Меня будто обожгло. Не словами. Тонем.

— Мы уже обсуждали, что это не делает меня твоей вещью.

— Да.

— Тогда отойди.

— Нет.

Я медленно подняла голову. В зеркале наши взгляды встретились. И мне на секунду стало нечем дышать. Слишком близко. Слишком тихо. Слишком опасно.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я.

— Что именно?

— Все. Эти взгляды. Эти паузы. Эти слова так, будто ты проверяешь, когда я сорвусь.

— А ты сорвешься?

Я развернулась к нему. Теперь между нами оставались какие-то жалкие сантиметры. Достаточно, чтобы чувствовать тепло его тела. Достаточно, чтобы понимать: если я двинусь хоть чуть-чуть, это уже будет не просто ссора.

— Ненавижу тебя, — сказала я.

Он смотрел на меня сверху вниз, не моргая.

— Я знаю.

— И тебя это заводит?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела остановиться. На секунду в комнате стало так тихо, что я услышала собственный пульс.

Андрей медленно выдохнул.

— Осторожнее, Лиза.

— Почему? Боишься честного ответа?

— Нет. Боюсь, что тебе он не понравится.

Меня будто толкнули в темноту. Потому что в его голосе впервые за все это время не было ледяной отстраненности. Там было что-то ниже. Хриплее. Мужское. И от этого по позвоночнику прошла дрожь, такая быстрая и живая, что мне захотелось провалиться сквозь пол от злости на саму себя.

— Ты отвратителен, — выдохнула я.

— А ты продолжаешь стоять слишком близко.

Я хотела отступить. Правда хотела. Но вместо этого только сильнее вскинула подбородок.

— Не льсти себе.

— Я и не собирался.

Его рука поднялась медленно, и я замерла, готовая к чему угодно. Но он лишь коснулся выбившейся пряди у моего виска и убрал ее назад. Одно короткое движение. Почти невесомое. Без грубости. Без нежности.

Это было хуже всего.

Потому что от такого касания внутри меня словно что-то резко сжалось, а потом отозвалось низким, горячим, стыдным импульсом.

Я отшатнулась первой.

— Не трогай меня.

Он опустил руку.

— Хорошо.

И снова этот спокойный голос. Будто не он только что свел мне дыхание одним касанием.

Всю дорогу до ужина я молчала. Смотрела в окно и пыталась привести мысли в порядок, но порядок не наступал. Я злилась. На него. На себя. На это платье. На его пальцы у моего виска. На собственное тело, которое, кажется, вообще не понимало, что рядом враг.

Ужин проходил в старинном особняке, превращенном в закрытый клуб для тех, кто привык иметь деньги, власть и правильные связи. Мрамор, приглушенный свет, звон бока-

лов, женщины в дорогих платьях и мужчины, которые говорили тихо, но так, будто любая их фраза может стоить миллионы. Андрей вошел туда так, будто не приехал в гости, а просто вернулся на свою территорию.

Рядом с ним я чувствовала каждую пару глаз. Люди снова смотрели. Кто-то улыбался. Кто-то подходил знакомиться. Кто-то задерживал взгляд на мне слишком долго. Кто-то на нем. И я вдруг очень остро поняла: для этого мира я не просто новая жена Воронцова. Я новость. Интрига. Повод для обсуждений.

— Улыбнись, — тихо сказал Андрей, почти не шевеля губами.

— Иди к черту.

— Уже был. Там скучно.

Я все-таки улыбнулась. Не ему. Всем вокруг. Потому что проигрывать этим людям я тоже не собиралась.

Несколько раз нас останавливали для разговоров. Андрей представлял меня коротко, без избыточной теплоты, но каждый раз с той уверенностью, от которой у окружающих сразу исчезали лишние вопросы. Моя жена. Елизавета. Все. Ни сантиметра пространства для чужой фамильярности.

И все же один мужчина лет пятидесяти, седой, загорелый и слишком самоуверенный, задержал мою руку после знакомства на секунду дольше, чем следовало.

— Вам очень повезло, Елизавета, — произнес он с улыбкой.

— Правда? — ответила я. — Вы первый, кто говорит это без тени зависти.

Он усмехнулся, явно собираясь продолжить, но тут Андрей оказался рядом слишком быстро.

— Сергей Павлович, — сказал он ровно. — Не задерживайте мою жену.

Это было сказано без агрессии. Даже почти вежливо. Но воздух вокруг мгновенно остыл. Мужчина тут же отпустил мою руку.

— Разумеется.

Мы отошли дальше, и только тогда я тихо спросила:

— Это что сейчас было?

— Он тебе неприятен.

— И?

— Мне не нравится, когда к тебе прикасаются люди, которых я не уважаю.

Я сбилась с шага.

— Ты сейчас серьезно?

Он повернул ко мне голову.

— Более чем.

Снова. Это чертово ощущение, когда он говорит что-то, от чего хочется одновременно расцарапать ему лицо и... нет. Даже в голове я отказывалась заканчивать эту мысль.

Позже, уже за столом, мне пришлось сидеть рядом с ним почти весь вечер. Его колено пару раз едва касалось моего под столом. Случайно, наверное. Или нет. От каждого такого

соприкосновения по мне проходил слишком заметный ток. Я делала вид, что ничего не чувствую. Делала это так усердно, что к концу ужина у меня сводило челюсть.

В какой-то момент одна из женщин, сидевших напротив, с легкой улыбкой сказала:

— Вы очень красивая пара. Между вами прямо искрит.

Я взяла бокал, чтобы скрыть выражение лица.

— Это не всегда хороший знак.

— Напротив, — вмешался Андрей, не глядя на меня. — Иногда самый честный.

Я медленно повернула к нему голову. Он продолжал разговаривать с кем-то справа, будто вообще не заметил, как после его слов у меня внутри все дернулось. Сволочь. Хладнокровная, красивая, опасная сволочь.

Когда ужин закончился, мне хотелось только одного — снять это платье, украшения, кожу, нервы, всю себя целиком и хотя бы час не чувствовать ничего. Но в машине Андрей вдруг спросил:

— Ты почти ничего не ела. Почему?

Я невесело рассмеялась.

— Как трогательно. Ты снова считаешь мои куски?

— Я задаю вопрос.

— А я не обязана отвечать.

Он чуть повернул голову.

— У тебя дрожали руки, когда ты брала вилку.

Меня словно ударило.

— Ты следил?

— Я всегда слежу.

— Господи, ты больной.

— Возможно. Почему ты нервничала?

Я уставилась в темное окно.

— Потому что ненавижу быть выставленной напоказ.

— Это не все.

— Хватит делать вид, будто ты читаешь меня как открытую книгу.

— Я не делаю вид.

— Тогда прочитай вот это: оставь меня в покое.

Он замолчал. И только когда машина уже въезжала во двор, тихо произнес:

— Это не из-за людей.

Я не ответила. Не потому что он был прав. А потому что слишком близко подошел к тому, что я сама боялась назвать.

В спальне я первым делом попыталась расстегнуть молнию на платье. Пальцы дрожали. От усталости, конечно. Только от нее. Но молния застряла где-то на середине спины. Я выругалась сквозь зубы и дернула сильнее.

— Не рви, — раздалось сзади.

Я вздрогнула и резко обернулась. Андрей стоял в дверях смежной комнаты. Уже без пиджака, с расстегнутым воротом рубашки. Слишком уместный, слишком спокойный для человека, которого я сейчас меньше всего хотела видеть.

— Стучать не учили?

— Учили. Но это мой дом.

— Пошел к черту.

— Позже. Повернись.

Я сжала пальцы на ткани.

— Обойдусь.

Он подошел ближе.

— Лиза.

— Я сказала, обойдусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.